

Тори Гринн

Следствие
Горыныч ведёт

Тори Гринн

Следствие ведёт Горыныч

«Автор»

2025

Гринн Т.

Следствие ведёт Горыныч / Т. Гринн — «Автор», 2025

В мире, где нечисть пробирается сквозь шум мегаполиса, а древние духи томятся на свалках истории, частный детектив Горыныч расследует дела, до которых нет дела живым. Но, иногда, даже вурдалаку не справиться в одиночку. Новая напарница - светлая знахарка Агафья - его полная противоположность, раздражающая своим теплом и верой в добро. Холод и жар, сарказм и сострадание, смерть и жизнь - вместе они единственная сила, способная противостоять тому, что грозит уничтожить хрупкий баланс между мирами.

© Гринн Т., 2025

© Автор, 2025

Тори Гринн

Следствие ведёт Горыныч

Часть 1. Дуэт Тени и Света

Дело о Плачущем Болоте

Холод в ту ночь стоял не осенний, промозглый, а живой и цепкий – мой собственный. Я сидел в своей конторе, что располагалась в подвале старого купеческого дома и «пил» очередное дело. Вернее, не пил, а вдыхал, смаковал. Вглядывался в пожелтевшую фотографию украденной реликвии – серебряного оклада с иконы. От неё исходил терпкий, пряный аромат жадности святотатца, смешанный со страхом потерять добычу. Это мой единственный деликатес, моя отравка и моё топливо. Я – Горыныч, вурдалак-одиночка, частный детектив по делам нечисти и прочей ерунды.

Дверь с вывеской «Сыские дела. Разрешение проблем тонких материй» со скрипом открылась, впуслав не просто посетителя, а целый вихрь противоречивых ощущений. И пахло... мёдом, сушёным зверобоем и чем-то невыносимо тёплым, солнечным, отчего моя внутренняя мерзлота сжалась в комок.

На пороге стояла она, Агафья, молодая знахарка с глазами цвета летнего неба и упрямым подбородком. Я её знал, вернее, знал о ней. Она лечила бабушку Лукерью от порчи, наведённой соседкой-завистницей и от её визитов у меня неделю стоял звон в ушах, будто я проглотил колокол.

– Горыныч? – её голос был мягким, но в нём слышалась стальная струна. – Мне нужна ваша помощь.

– Сомневаюсь, – просипел я, отодвигая фотографию. От неё исходило болезненное тепло, как от раскалённой печи. – Ваше присутствие вредит моему... пищеварению.

Она не смутилась, а шагнула вперёд и швырнула на мой стол свёрток, тряпичный, пропахший слезами и страхом.

– В деревне Омучово пропали трое детей за неделю. Местные шепчут про Болотника. Староста уже и шамана своего нанимал, всё бестолку.

Я развернул свёрток, там лежала дешёвая пластмассовая заколка в виде цветка. Детская вещь, но от неё исходил такой концентрированный, сладковатый ужас, что у меня заныли клыки. Это был не страх перед выдумкой и не ночной кошмар. Это был настоящий, животный, леденящий душу ужас перед чем-то совершенно реальным и чудовищным.

– Болотник, – фыркнул я, стараясь скрыть внезапный интерес. – Старая песня, он дурит мужиков, пугает, топить любит...но детей вязнуть по одному – не в его стиле, слишком... примитивно.

– Я знаю, – твёрдо сказала Агафья. – Но я была на том болоте. Дух там не злой, он... плачет. Я чувствую, он напуган.

Вот именно, это её «чувствую»... От этого слова у меня сводило зубы.

– И что вы предлагаете? Сходить, пожалуйть его? Спеть колыбельную? – я язвительно усмехнулся.

– Я предлагаю найти детей, – её глаза вспыхнули. Это тепло обожгло мне кожу. – А вы – лучший, кто может докопаться до сути. Говорят, вы умеете высасывать не только кровь, но и правду.

Лесть...грубая, но эффективная. И этот детский страх на столе... он был таким насыщенным, таким многослойным. Там был и миг удивления и горькое разочарование и осознание предательства. Настоящий шедевр. Я не мог устоять.

– Ладно, – буркнул я, поднимаясь. Мой плащ, пахнувший пылью и вековой мерзлотой, тяжело взметнулся. – Но предупреждаю: ваше светлое лицедейство – подальше от меня. Будите лечить – вышвырну в трясины лично.

– Договорились, – коротко кивнула Агафья и в уголке её губ дрогнула тень улыбки. – А я, в свою очередь, предупреждаю: если вы решите, что дети – это ваша закуска, я вас так припечатаю, что вы напрочь забудете кто вы, где вы и зачем.

Мы стояли друг напротив друга: я – олицетворение холода и цинизма, она – воплощение упрямого тепла и сострадания. Два полюса, которых свело вместе дело о пропавших детях и плачущем болоте.

Ехали мы в Омутово на её разваленной «Ниве» молча. Я – потому что её присутствие в салоне было пыткой. Она – потому что, наверное, молилась своим светлым богам, чтобы сдержаться и не вышвырнуть меня из машины на полном ходу.

Дорога в деревню была сплошным издевательством. Каждая кочка на разбитой грунтовке отзывалась в моих костях глухим стуком, а «тепловое излучение» от Агафьи на соседнем сиденье заставляло мою мерзлотную сущность сжиматься в комок. Она, конечно, пыталась это компенсировать – открыла окно, впустив внутрь промозглый ветер и запах мокрой хвои, но от этого стало только хуже. Теперь в машине пахло её дурацкими травами и тоской российского леса.

– Здесь ничто не хочет жить, – пробормотал я, глядя на чахлые берёзы с облезлой корой.

– Оно просто боится, – парировала Агафья, не отрывая взгляда от дороги. – Когда всё вокруг пропитано страхом, даже деревья сжимаются.

Само Омутово оказалось именно таким, каким и должно было быть – серым, покорным и безнадежным. Избы стояли криво, будто устав от собственного существования. Люди, которых мы видели из окна, шли, опустив головы, не глядя по сторонам. Их страх был старым, выдохшимся, как запах гнилой картошки из подпола.

Нас ждал староста, мужик с лицом, как у задумчивого кабана, – Федот. Он вёл нас к себе в избу, постоянно оглядываясь.

– Ну, шо, колдунья, привезла своего... – он кивнул в мою сторону, не зная, как назвать.

– Напарника, – сухо закончила за меня Агафья. – Рассказывайте, Федот, с чего всё началось.

Оказалось, первый мальчик, Петька, пропал по дороге из школы. Болото было в стороне, но туда вела тропинка. Все сразу подумали на Болотника. Вторую, девочку Анфису, нашли на краю деревни – мокрую, в тине, но живую. Она неделю не разговаривала, а потом начала твердить одно: «Он не злой, он плачет». А, через день исчезла снова и уже бесследно. Третий, малыш Ваня, будто сквозь землю провалился.

– А, что этот... ваш... Шаман? – спросил я, с наслаждением вдыхая тяжёлый, густой страх Федота. Он пах забродившим квасом.

– Семён? – Федот махнул рукой. – Собирался на болото, наутро нашли спящим на пороге. Очнулся – и ни слова, речь у него отняло.

Агафья встрепенулась.

– Он здесь? Можно к нему?

Федот отвел нас в соседнюю избу, где на лавке у печи сидел тщедушный мужичок и безучастно смотрел в стену. От него исходил странный, плоский запах – не страх, а пустота. Как будто всё содержимое, включая душу, у него вынули и оставили одну оболочку.

Агафья приблизилась, её руки начали излучать то самое невыносимое, согревающее сияние. Она прикоснулась к его вискам. Я с готовностью отскочил на порог – меня чуть не вывернуло от этой вспышки «добра».

– Его... не испугали, – тихо сказала она, отходя. – Его опустошили. Высосали всё – и страх, и волю, и память, дочиста.

Я не удержался и ехидно ухмыльнулся.

– Поздравляю! Ваш Болотник оказался гораздо интереснее, чем мы думали.

Но тут же моя усмешка замерла, потому что я почувствовал кое-что ещё. Что-то, что не лежало на поверхности. Оно пряталось за густым и привычным страхом всей деревни – это был другой, едва уловимый след. Он был острым, холодным и... знакомым. Он пах не болотной тиной, а чем-то химическим, техногенным и безумной, всепоглощающей жадностью.

Я вышел на улицу, оставив Агафью с её пациентом и глубоко вдохнул. Да, вот он. Этот след вёл не на болото. Он вёл к краю деревни, к дому побогаче других, с новой крышей и высоким забором. К дому того самого фермера, что скупал здесь земли.

Именно в этот момент из-за угла избы вышла та самая девочка, Анфиса. Та самая, что говорила, что дух плачет. Она была бледная, почти прозрачная. Но она смотрела прямо на меня и шёпотом, который услышал бы только я, сказала:

– Он не виноват, его заставляют.

И тут же испарилась, будто её и не было.

Я обернулся к выходящей Агафье.

– Ну что, светлая наша? Готовь свои целебные порошки. Похоже, нам на ферму. Наше зло, пахнет не тиной, а деньгами.

Болото могло подождать; его слёзы были старше, чем эта деревня. А, вот запах свежей жадности и страха, исходивший от ухоженного дома с новым забором, был злободневным и зовущим.

– И как мы представимся? – спросила Агафья, пока мы шли по грязи деревенской улицы. – Случайные путники, заблудившиеся в трёх соснах?

– Чем проще, тем правдоподобнее, – проворчал я. – Скажем, что ищем пропавшую кошку, чёрную, с дурным глазом. Ищем её по всей округе.

Агафья фыркнула, но не стала спорить. Моя способность врать была для неё таким же инструментом, как её травы.

Фермер, представившийся Николаем Петровичем, оказался мужчиной в самом расцвете сил, с лицом, которое пыталось казаться приветливым, но насквозь пропиталось самодовольством. Он встретил нас на пороге, не приглашая внутрь. От него исходил тот самый химический запах – удобрений, денег и холодного, расчётливого ума. Его страх был другим, нежели у остальных деревенских – не животным, а социальным. Он боялся потерять то, что нажил.

– Кошка? – он усмехнулся, окидывая нас насмешливым взглядом. – У нас тут дети пропадают, а вы про кошек. Ищите, кто ж вам мешает. Только на мои земли – не суйтесь, там техника работает, опасно.

Я сделал шаг вперёд, входя в его личное пространство. Мой внутренний холод потянулся к нему, пытаясь притушить его уверенность.

– Понимаете, Николай Петрович, – сказал я сладковато-ядовитым тоном, – эта кошка не простая. Она на особом положении у одной... влиятельной особы. Может, вы видели? Говорят, она к болоту бегала. – Я внимательно следил за его глазами.

При слове «болото» его зрачки на мгновение сузились. Не страх, а раздражение и что-то ещё... знакомое. То самое ощущение пустоты, что витало над опустошённым шаманом.

– На болото вам ходу нет, – отрезал он и в его голосе впервые прозвучала сталь. – Там мои мелиоративные каналы. Заблудитесь – не вытащим. А, насчёт детей... – он тяжело вздохнул, разыгрывая скорбь, но от этого жеста пахло фальшью и формалином. – Горюем все, но Болотник – существо древнее, не нам его судить.

В этот момент из-за его спины в глубине сеней мелькнула тень. И я её почувствовал. Резкий, как удар кинжала, холод. Не мой, природный, а искусственный, вымороженный, тот самый, что выжег душу шамана.

Агафья, стоявшая сзади, вздрогнула и побледнела.

– Горыныч... – тихо прошептала она. – Здесь что-то есть... что-то мёртвое, но не так, как ты.

Николай Петрович поймал наш взгляд и резко захлопнул дверь перед нашим носом, бросив на прощание:

– Искать вам тут нечего! Проваливайте!

Мы остались стоять перед его богатым домом, в лицо нам дул промозглый ветер.

– Ну? – спросила Агафья, потирая виски. – Удовлетворил свой интерес?

– Более чем, – я облизнулся, чувствуя привкус его жадности на языке, как острое вино. – Он не просто знает, он причастен. И у него там, в доме, не просто домовёнок... у него есть некий... «холодильник» для Душ.

– Что будем делать? – в её голосе впервые прозвучала неуверенность.

– Сначала – на болото, – неожиданно для себя сказал я. – Нам нужен свидетель и, возможно, союзник. Надо узнать, что именно он заставляет делать этого «плачущего» духа. А потом... – я повернулся и посмотрел на дом фермера, – потом мы вернёмся с визитом вежливости и уже без всяких кошек.

По дороге к гиблому месту я намеренно замедлил шаг, чтобы Агафья поравнялась со мной.

– И что это было там, у него? – спросила она, не глядя на меня.

– Наследство, – ответил я, принимаясь к воздуху. – Советские попытки приручить нежить для «народного хозяйства». Помнишь институты, где изучали парапсихологию? Похоже, кто-то не только изучал, но и прикармливал парочку «экземпляров». У них там, в доме, не дух, а инструмент.

Дорожка к болоту становилась всё уже. Впереди, за частоколом мёртвых деревьев, лежало болото – чёрное, бездонное, истекающее тихим ужасом и скорбью. И оно вот-вот должно было заговорить.

Тропа была не просто дорогой – это было путешествие в иное измерение, где понятия «жизнь» и «смерть» теряли всякий смысл. Воздух густел, превращаясь в тяжёлую, влажную вату, пропитанную запахом гниющих водорослей, столетней хвои и чего-то древнего, оставшегося здесь с незапамятных времён. Деревья, окружавшие нас, склонились в немом поклоне, их ветви, обвитые седым мхом, цеплялись за одежду, словно пытались удержать.

Агафья шла впереди, её светлое платье казалось вызывающе ярким пятном в этом царстве полумрака. Я же отставал и каждым шагом впитывал в себя атмосферу этого места. Страх здесь был другим – не острым, как у фермера, а старым, глубоким, как сама трясина. Это был страх заточения.

– Чувствуешь? – обернулась ко мне Агафья и её голос прозвучал приглушённо, будто утопая в тине.

– Одиночество, – ответил я и это была правда. От болота веяло такой бесконечной, всепоглощающей тоской, что моя собственная вечная мерзлота казалась лишь лёгкой прохладой.

Мы почти пришли. Вода, чёрная и неподвижная, будто масло, отражала свинцовое небо. Кое-где из неё торчали коряги, принимавшие в воображении формы сгорбленных стариков и протянутых рук. И тишина... Она была не просто отсутствием звука. Она была живой, напряжённой, словно болото притаилось и замерло в ожидании.

Агафья подошла к самой кромке воды, опустила на колени и осторожно коснулась поверхности ладонями. Я тут же почувствовал, как по моей ледяной сущности пронёсся болезненный спазм. От неё исходили волны того самого невыносимого тепла – тепла сострадания, понимания, жалости. Мне хотелось зашипеть и отступить в тень...

– Мы пришли не вредить, – тихо, но чётко произнесла она, обращаясь к воде. – Мы ищем детей. Мы знаем, что ты не виноват. Помоги нам.

Сначала ничего не произошло. Лишь пузырь воздуха лопнул на поверхности, выпустив запах сероводорода. Потом вода в нескольких шагах от Агафьи забулькала и из трясины медленно, с тихим чавкающим звуком, начала подниматься фигура.

Это был Болотник, но не тот уродливый рогатый демон из сказок. Он был соткан из самой топи – водоросли вплетались в его волосы, тина стекала по плечам, вместо глаз в его лице были две чёрные, бездонные впадины. От него исходила та самая, знакомая уже скорбь, но теперь, вблизи, я почувствовал и нечто другое – гнев, сдавленный, бессильный, но жгучий.

«Уходите.» – прозвучало у нас в головах. Голос был похож на шорох камыша и хлопанье грязи. – «Здесь нет ваших детей.»

– Лжёшь, – выдохнула Агафья, но не убирая рук. Её лицо побелело от напряжения. – Они здесь, я чувствую их. Один... ещё жив, он слаб, но жив.

Болотник заколебался. Его тинистое тело колыхалось, словно от ветра.

«Он... Забрал их. Забрал у меня. Он приходит с Холодной Железной Палкой. Она... жжётся. Она заставляет...»

«Холодная Железная Палка». Инструмент, созданный для подавления воли нежити, всё сходилось.

– Что он заставляет тебя делать? – шагнул вперёд я и мой голос, грубый и лишённый тепла, резанул по слуху после шёпота болота. – Где дети?

Болотник повернул ко мне свои безглазые впадины. Я почувствовал, как его ненависть обожгла меня, но на сей раз это был чистый, почти что родственный холод.

«Ты... Мёртвый. Ты поймёшь. Он заставляет меня воровать. Воровать страх. Радость. Память. Всё, что делает их... живыми.» – его «голос» дрогнул. – «Я Хранитель! Я не для этого создан! Я должен убаюкивать топи, успокаивать зыбуны, а не... не высасывать души!»

И тогда я всё понял. Фермер не просто похищал детей. Он использовал древнего духа как насос, чтобы выкачивать из них эмоции, превращая в пустые оболочки, как того шамана. Но зачем?

– А, где он их держит? – настаивал я. – Где ты прячешь то, что у тебя отняли?

Болотник медленно поднял руку и огромный пузырь воздуха вырвался на поверхность в двадцати шагах от нас, обозначив чёрный, затянутый ряской омут.

«Там, в моём сердце. В самой глубокой яме, но вы не достанете. Ни её свет...» – он кивнул на Агафью, – «...ни твой холод. Только он знает, как открыть проход.»

Внезапно Агафья ахнула и отшатнулась от воды, обхватив голову руками.

– Он здесь! Фермер! Он почувствовал, что мы здесь! И он... он не один. С ним тот... Холод.

Я резко обернулся. Сквозь чашу доносился отдалённый, но уверенный звук мотора. Николай Петрович ехал на своём внедорожнике. И он знал, куда ехать.

– Времени нет, – прошипел я, хватая Агафью за локоть и оттаскивая её от воды. – Нам нужно уходить прямо сейчас.

Мы метнулись в чашу, скрываясь за стволами мёртвых деревьев, как раз в тот момент, когда на поляну выехал уазик фермера. Из машины вышел не только он. Рядом с ним возникла высокая, худая фигура в длинном плаще, с лицом, скрытым в тени капюшона. От неё исходил тот самый, искусственный, выхолощенный холод, от которого моя собственная сущность онемела.

«Морок», – прошептало болото у меня в голове и в его «голосе» впервые прозвучал настоящий, животный ужас. – «Бегите.»

Мы бежали сквозь чашу, спотыкаясь о корни, обдирая одежду о колючие ветки. Мы бежали, пока далеко позади не осталось чёрное зеркало болота и два силуэта на его берегу – человек с деньгами и пустота в плаще.

Остановившись в глубине леса, чтобы перевести дух, Агафья, бледная и дрожащая, посмотрела на меня.

– Что это было, Горыныч?

– Это, – ответил я, чувствуя на языке привкус собственного страха, горький и непривычный, – это и есть настоящая нежить. Созданная не природой, а людьми. И похоже, у нашего фермера не просто «инструмент», у него целый арсенал.

Мы оторвались, но не убежали. Мы затаились в самой глубине леса, в заброшенной лесной избушке, которую Агафья знала с детства. Воздух внутри пах плесенью и старой древесиной, но это лучше, чем леденящий холод Морока.

Агафья развела небольшой костёрчик в печи. Пламя отбрасывало на стены тревожные тени, а её лицо, в его свете, казалось осунувшимся и по-новому взрослым.

– Итак, – она сгребла в охапку свои травы и начала методично растирать их в ступке. – У нас есть фермер, который использует древнего духа как насос для эмоций. И его телохранитель – искусственная нежить, созданная, судя по всему, в каких-то советских лабораториях.

– «Морок», – мрачно напомнил я, прислонившись к самой дальней от огня стене. Его тепло било по мне, как физическая пощёчина. – И он не телохранитель. Он – ключ. Фермер не мог бы управлять Болотником без него. Этот «Морок» – подавитель воли. Живой – если это слово тут уместно – камертон пустоты.

– Зачем? – Агафья посмотрела на меня и в её глазах плескалось недоумение. – Зачем фермеру эмоции детей? Он что, коллекционирует их? Пьёт, как эликсир?

Я закрыл глаза, впитывая воспоминания: запах жадности Николая Петровича, химический след, холодок от «Холодной Железной Палки».

– Не коллекционирует. Использует. – я открыл глаза. – Ты же видела его земли. Они ухожены, но почва серая, мёртвая. Он выжимает из неё всё соки своими удобрениями. А что, если он нашёл способ... подпитывать её иначе? Не химией, а чем-то более фундаментальным: энергией жизни, страхом, радостью, волей к победе... – я сделал паузу, давая ей понять. – Он использует их как батарейки, для своих урожаев.

Лицо Агафьи исказилось от отвращения.

– Это... мерзко. Это хуже, чем просто убийство.

– Согласен, – я почувствовал, как мои клыки обнажились в подобии улыбки. – Это изобретательно, но у нас есть преимущество.

– Какое? – с надеждой спросила Агафья.

– Он думает, что имеет дело с деревенской знахаркой и каким-то бродячим вурдалаком. Он не знает, что против него объединились «холод» и «тепло». Его «Морок» может быть силён против одного из нас. Но против обоих? – я посмотрел на её руки, всё ещё светящиеся от работы с травами. – Его искусственный холод против моего природного. Твоё живое тепло – против его вымороженной пустоты. Это алхимия и мы можем создать гремучую смесь.

Я подошёл к столу и грубо отодвинул её ступку.

– План прост. Мы действуем на разрыв. Ты – на «Морока». Вся твоя светлая, раздражающая меня энергия – в него. Он создан для подавления, но твоя сила – не для подавления, а для исцеления. Заливай его своим светом, как кипятком. Пусть его пустота треснет.

– А ты? – спросила она, внимательно глядя на меня.

– Я займусь нашим уважаемым Николаем Петровичем. Пока его щит будет занят тобой, я выбью из него правду. Узнаю, где он держит детей и как открыть проход к сердцу болота.

– Это опасно, – тихо сказала она. – Если «Морок» окажется сильнее...

– Тогда, – я усмехнулся, – тебе придётся лечить не только шамана, но и меня. Если, конечно, я к тому времени ещё буду тем, кого можно вылечить.

Мы вышли из избушки в предрассветный час, когда ночь уже не властна, а день ещё не наступил. Время теней. Наше время.

Подкравшись к дому фермера, мы застали картину: Николай Петрович и «Морок» грузили в уазик какие-то ящики. Видимо, собрались сменить дислокацию после нашего визита.

– Пора, – кивнул я Агафье.

Она вышла из укрытия. Вся её фигура вдруг озарилась изнутри таким яростным, почти ослепительным светом, что мне пришлось зажмуриться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.